

ЖОДНЫИ СВЪТЪ

иллюстрированный журналъ для дамъ

Годовая цѣна I-го изданія:		Журналъ „МОДНЫИ СВѢТЪ“		Годовая цѣна II-го изданія:	
Съ 12 раскрашенными картинками:		включить въ количество 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 иллюстрациями, рисунками въ текстѣ, съ 12 страницами выкроекъ, 12 вырѣзными выкройками въ натуральную величину и 12 смъ 24 раскрашенными картинками парижской моды.		Съ 24 раскрашенными картинками:	
Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	4 р. — и.	Объявленіе въ журналъ „Модный свѣтъ“ принимается въ Конторѣ Редакціи и вносится плата за такое по 10 к. за строчку попараллельно, или за кѣсто.		Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	5 р. — и.
— съ доставкой	5 „ 50.			— съ доставкой	6 „ 50.
Съ пересылкою въ другіе города	6 „ —			Съ пересылкою въ другіе города	7 „ —
СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Галатта. (Продолженіе). — Псалтыростовница Лефтера. (Продолженіе). — Цезарь Каппара. Фантастическій рассказъ. (Продолженіе). — Фельетонъ. — Сѣтъ. — Продолженіе описанія рисунковъ № 5. — Объявленія.					

За тронъ и жизнь.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГАЛАТТА.

(Продолженіе).

II.

Король и его лейбъ-гвардеецъ.

Ольдь-Ромней въ то время былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ есть и теперь: маленькимъ, пыточнымъ мѣстечкомъ. Когда то онъ имѣлъ значеніе, но потерялъ его еще въ тринадцатомъ столѣтіи, когда море, вырвавшись на сушу, измѣнило теченіе рѣки Красной, образовавъ римпейскую гавань; послѣ того море отступило такъ далеко, что Ромней отлучился оруженнымъ со всѣхъ сторонъ твердой землей. Мѣстечко состоитъ изъ одной улицы плохенькихъ домиковъ. Тамъ и сямъ, правда, падалась порядочное строеніе, да прерасная, старинная церковь возвышалась своею башню до облаковъ.

Ромней въ сентябрѣ 1696 г., когда начинался нашъ расколъ, представлялъ очень оживленный видъ. На домахъ висѣли гирлянды цвѣтievъ и развѣсаны флаги съ англійскими и оранжскими цвѣтами. Надъ триумфальными воротами красовался надпись: «до здравствуетъ король Вильгельмъ!» По улицѣ бродили толпы людей, собравшіяся отослудъ въ Ольдь-Ромней, чтобы сдѣлать торжественный пріѣздъ короля, который намеревался изъ замка лорда Сиднея проѣхать въ городокъ.

Церковный домъ, какъ лучший въ городѣ, предназначался къ чести имѣть, на время, подлѣ свой кровлей король Вильгельма; поэтому всѣ толпились вокругъ него. Ждали уже довольно долгое время, а короля все еще не было. Искотные выказывали нетерпѣніе, что очень забавляло иъ-сколькихъ лицъ, допоздно очутивъ однихъ, но стоявшихъ въ толпѣ съ мрачными лицами.

— Это любити! шепсугу одинъ изъ толпы сосѣду, указывая на этихъ людей. — Это враги короля Вильгельма! проносили другіе громче. — Это шпешты! громче кричали двое забывші! — На-

званныхъ такъ люди поспѣшны скрыты въ толпѣ и стая на лучшее мѣсто.

— Вотъ они— ура! закричала толпа. Барабаны, скрипки, сарлеты и флейты заиграли національный гимнъ. — Да здравствуетъ король Вильгельмъ!

На краю улицы показалась группа всадниковъ. Это были двадцатилѣтніе, рослые и красивые люди на статныхъ коняхъ. На нихъ были штаны изъ буйволовой кожи съ мѣдными бляхами, желѣзные каски и сапоги съ широкими раструбами и золотыми шпорами; на груди бѣгства кираса. Въ рукахъ они держали широкіе палаши. Эти двадцать четыре воина составляли лейбъ-гвардію его величества и сопровождали короля въ путешествіи. За ними сабдовали два шталамейстера съ десѣтью конюхами, потомъ два адъютанта; за ними ѣхала открытая коляска, въ которой сидѣлъ король. Вильгельмъ съ лордомъ Сиднемъ. Оба были въ охотничьей одеждѣ. Лицо короля не было принадлежательно, хотя и не лишено величія. Бѣдность придавала ему некоторую холодность, а кровожадный носъ имѣлъ добродушіе. Впрочемъ, черты этого лица были правильны и пріятно отнѣсны тѣмнокантановыми волосами; но неосомнутимая строгость, почти переходившая въ мрачность, обозначавшуюся глубокими складками вокругъ губъ, не покидала короля. Вильгельмъ много пережилъ, много потрудился, испытывалъ и выстрадалъ. Два года передъ этимъ путешествіемъ онъ потерялъ нѣжно любимую жену. Сожноеніе короля было не особеннo крѣпко, и его часто посѣждалъ сухой кашель, который объявлялся садѣтнѣемъ осмы, оставивші свой садъ на его лицѣ. Но глаза короля были дѣйствительно прекрасны. Они блистали на строгомъ лицѣ, какъ дѣтскіи. Пріятно было смотрѣть на эти выразительные, смѣлые, умные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кроткіе глаза. Когда какая нибудь важная мысль занимала его голову, они уединялись въ объемъ и металъ искры; всѣмъ казалось, какъ будто вырастала и по бѣску его глаза можно было ясно прочесть приближеніе великаго событія. Таковыя казался человекъ, котораго англійскій народъ признавалъ на престолѣ, оставленный жалкими домомъ Ствартовъ; — человекъ, покинувшій родину, чтобы выйти на ан-

глійскій берегъ въ виду непріятельскихъ войскъ и востанія, подготовленнаго его противниками; человекъ, призванный, чтобы создать и охранять новыя и лучшія государственныя учрежденія, которыя и теперь еще удивляются весь міръ.

Вильгельмъ III англійскій вступилъ въ Ольдь-Ромней. Онъ былъ встрѣченъ шумными ликованиями. Путешествіе, предпринятое королемъ по странѣ, было политическимъ маневромъ. Парламентъ хотѣлся въ преоблаваніи и король рѣшился показать себя подданнымъ, чтобы пріобрѣсти голоса для новаго правленія. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сбросить съ себя суровый, холодный вѣдъ, дѣлавшій его непріятливымъ и эта внутренняя борьба всегда была вознаграждаема признательностію народа.

Мы уже знаемъ изъ разсказа Харнока, какія старанія употреблялъ народъ, чтобы какъ можно торжественнѣе встрѣтить короля; въ Ольдь Ромней его ожидали новыя выраженія признательности. Онъ былъ встрѣченъ вѣнцемъ школьнаго юношества, дѣтскими разсыпавші цвѣты по дорогѣ губернаторы Ней и Ольдь Ромнея проиосили рѣчи. Лебѣ-гвардией образовали шпалеры, между которыми король, въ сопровожденіи лорда Сиднея, сэра Герберта, милорда Портленда и другихъ господъ, проѣхалъ въ церковный домъ. Здѣсь были приготовлены роскошный завтракъ, между тѣмъ, какъ въ домъ производились приготовленія къ охотѣ.

— Лордъ Ромней! вскричалъ король, осушая стаканъ. Я очень радъ, что погода такъ хороша — вы можете устроить дальнюю охоту.

— Котловина очень обширна, ваше величество! сказалъ Сидней-Ромней. Мы начнемъ съ Ольдь Ромнея, направимъ прямо къ Мидлоу, оттуда налѣво до Бренета и дождемъ до Блэкстоуна, гдѣ котловина кончается. Я думаю, такъ будетъ довольно.

— Хорошо — чудесно, я люблю это различеніе! вскричалъ король, заблестѣвъ глазами; онъ приказалъ позвать къ себѣ всѣхъ представителей страны: помѣщиковъ, духовенство, школьныхъ учителей, посланцевъ съ ихъ жонами, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ, шутилъ и держалъ себя какъ настоящій отецъ своихъ подданныхъ. А — когдo

я вижу? вдругъ вскричалъ онъ. Мой старый другъ Трезулей—здравствуйте, Вальтеръ!

Это пріятельство относилось къ сару Вальтеру Трезулей, который пріи́малъ изъ Хиге въ Ромней, чтобы встрѣтить короля. Саръ Вальтеръ, за вѣрную службу во войскъ сражений, былъ сдѣланъ начальникомъ города и гавани.

— Ну, Вальтеръ, вѣсело продолжалъ король, какъ дѣла? Всѣмъ благополучно?

— Очень благополучно, ваше величество, потому что я вижу васъ такими довольными, пропашесъ старый саулкава.

— Господа! сказала королю. Передъ нами чело́вѣкъ, сражающийся рядомъ со мною въ битвѣ при рѣкѣ Бойнъ, въ то время, какъ пріятельская пуля задѣла меня въ плечо и пропашаю по шею сара Вальтера—вотъ посмотрите; здѣсь. Онъ уцѣлѣвъ напавшемъ на шрамъ. Да, алая дырка эта пуля. Да, Трезулей, у меня есть еще одинъ чело́вѣкъ, который дрался съ нами; онъ уже шесть лѣтъ, какъ ухаживаетъ изъ Англіи—дешертъ, такъ сказать! пробы́валъ онъ, съѣхавъ, но возвратился въ мою армію и Генрихъ Гоббартъ теперь здѣсь.

— Неужели? вскричалъ Трезулей. Генрихъ—мой красивый, мой Генрихъ? Гдѣ-же онъ, ваше величество?

Король подошелъ къ двери и позвалъ: «Генрихъ, мой другъ, подите-ка сюда!»

На зовъ зовъ двинулся одѣтый въ латы и буйволовую кожу одинъ изъ лейбъ-гвардейцевъ королевской свиты. Это былъ молодой чело́вѣкъ лѣтъ двадцати шести, котораго выразительныя, тонкія черты лица загорѣли и немного погубили отъ непогоды и испытаній. Онъ держалъ въ рукахъ свою палку и, по знаку короля, подождалъ къ Трезулею, который также узналъ его.

— Это два товарища по войнѣ, сказалъ король сару Роберту. Оба они были подлѣ меня при рѣкѣ Бойнъ—одинъ старъ, другой молодой — а тогда Гоббарту было двадцать лѣтъ.

— Такъ, долго ты не былъ въ Англіи? спрашивалъ Трезулей.

— Я шесть лѣтъ провѣлъ въ Америкѣ, сказалъ со надомомъ Генрихъ. Но родина не такъ то легко забывается. Я возвратился оттуда и когда въ Кеннингтонъ представился королю, онъ сдѣлалъ меня своимъ лейбъ-гвардейцемъ; его величество не позабылъ, что я держалъ его коня подъ грудомъ пузы и при схваткѣ со стражемъ Гамилтона былъ подлѣ него; онъ лично велъ насъ въ это дѣло.

— Храбрый государь — Богъ да охраняетъ его! сказалъ Трезулей.

Между тѣмъ король подождалъ съ себя новыхъ лицъ — онъ былъ окруженъ многочисленной толпою.

— Да сохранить его Богъ! сказалъ Генрихъ.

— Однако, чортъ возьми, Гоббартъ! продолжалъ саръ Вальтеръ. Что это значитъ? Вы не веселы и несчастны, какъ это подобаетъ тѣлохранителю его величества. Какая у васъ несправедливость?

Генрихъ Гоббартъ несправедливо прошолъ со старикомъ залу и вышелъ на улицу, заперуженную народомъ, который съ любопытствомъ глядѣлъ на лейбъ-гвардейца.

— У меня есть одна несправедливость, сказалъ Генрихъ, съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился въ эту страну.

— Въ эту страну? Каково-же несчастье приключилось съ вами?

— Саръ! вы знаете, что по смерти моихъ родителей, я остался одинъ. Но желанію дядюшки, я поступилъ въ военную службу, въ голландскую армію, и съ королемъ Вильгельмомъ возвратился въ Англію. Я родился здѣсь въ Кентѣ, въ Винчельзѣ. Когда мой отецъ былъ еще городничимъ, судей, я познакомился съ семействомъ сара Пендерграса въ Килбурнхавѣ. Я полюбилъ старшую изъ двухъ дочерей его, прелестную Марію, когда

мы были еще почти дѣтми; у меня, какъ намъ вѣстиво, было кой-какое состояніе и я просилъ у Пендерграса руки его дочери, когда она достигнетъ совершеннолѣтія; но Пендерграсъ указалъ мнѣ на дверь. Это было какъ разъ въ то время, когда я возвратился съ битвы при Бойнѣ. Я сражался противъ Ягона Стюарта, а Пендерграсъ былъ армію лично и ревностный католикъ;—теперь вамъ ясно, почему я получилъ отказъ. Различіе нашихъ политическихъ и релігіозныхъ полюцій—вотъ причина, разрушившая мое счастье. Генрихъ на минуту замолчалъ, потомъ продолжалъ:

— Можетъ быть, и поступилъ неблагодарно, но, потому что Марія была еще ребенкомъ, когда я просилъ у отца ея руки, но я не могу забыть дорогого мнѣ образа. У меня была сюзница въ домъ Пендерграса—миссъ Ракхиль Френъ. Это старая дѣвица, сестра матери сара Пендерграса, жена котораго умерла послѣ рожденія миссъ Эленъ, младшей дочери. Миссъ Ракхиль была либералка и пришла мою сторону, но мать сара Пендерграса, мистрисъ Анна, захватила въ свои руки власть въ домъ; она была строгая напашта и глава приверженцевъ Франца, протестантовъ. Семейство раздѣлилось на два лагера: бабушка Анна составила союзъ съ сыномъ сара Пендерграса и съ миссъ Эленъ — а миссъ Ракхиль и миссъ Марія образовали оппозицію лейбъ-кавитамъ. Миссъ Ракхиль ревностная почитательница короля Вильгельма, сама сама и католичка.

Саръ Вальтеръ улыбнулся.

— Храбрый дядя, уважаю ея! вскричалъ онъ. — Вы сѣстѣсь, саръ Вальтеръ, продолжалъ Генрихъ. Оно со стороны, пожалуй, сѣстно; но кто, подобно мнѣ, заинтересованъ въ этой несчастной распрѣ въреспубликанъ, тому скорѣе до слезъ, чѣмъ до смѣха. Бѣда, если борьба партій проинтернетъ въ семейную жизнь—она разрывалаетъ все, что было тѣсно и счастливо соединено и разрушаетъ счастье достойныхъ ихъ людей.—Я испыталъ это. Я попустилъ Европу, и съ моими деньгами и моимъ горемъ попустилъ въ чужую страну, Америку. Я попробовалъ тамъ поселиться навсегда — но неудачно. Я возвратился безъ денегъ—только тоска осталась при мнѣ.

Генрихъ горько улыбнулся.

— Какъ пришла, меня корюшь, вы знаете. Это было базаромъ для моей раши; но когда мы причалили въ Англію, прежнія страданія воротились ко мнѣ; мнѣ, давно невѣдѣннымъ образомъ снова воскресли предомъ мною. — Понятно, почему я показанъ вамъ серьезнымъ.

— Да, теперь я понимаю. Вы видѣлись опять съ Пендерграсомъ?

— Нѣтъ же. Но король побѣдетъ въ Винчельзѣ. Килбурнхавѣ, гдѣ живетъ Пендерграсъ, дежитъ недалеко оттуда, между Гудефердомъ и Ріе; мы пройдемъ мимо самого замка; — заѣхать мнѣ въ саръ Пендерграсъ или нѣтъ — право не знаю. Меня тянетъ туда, но въ то же время и отталкиваетъ.

Саръ Вальтеръ замолчалъ нѣкоторое время, потомъ проговорилъ:

— Если хотите познакомиться моего сестра, Генрихъ, то не приставайте къ лейбъ-кавитамъ. Какой у васъ можетъ быть интересъ въ этомъ семействѣ. Развѣ что молодой дѣвушка—вотъ единственная причина; да вѣдь неизвѣстно, какъ еще васъ примутъ. Вы уже избрали себѣ карьеру; со времени вашего отбѣзда прошло шесть лѣтъ.

Генрихъ тяжело вздохнулъ; онъ молча пошелъ рядомъ съ Вальтеромъ мимо толпы народа, какъ вдругъ громкіе крики привлекли его вниманіе. Они очутились передъ кружкомъ, образованнымъ лицами разныхъ сословій.

— Бейте ее, козловую! кричали нѣкоторые.

— Она пришла сюда, чтобы навѣять на насъ какое нибудь несчастье! Вонъ ее изъ Ромнея, дикую кошку! Раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Генрихъ вошелъ въ кругъ. Его костюмъ и по-

явленіе сара Вальтера подѣйствовали на толпу, почтительно расступившуюся. Въ десяти шагахъ отъ себя, Генрихъ увидѣлъ молодую, красивую дѣвушку. На ней были костюмъ посылки изъ Кента; на головѣ коричневый платокъ, изъ подъ котораго вынылали черные волосы; въ лѣвой рукѣ она держала яйцо, въ правой—трѣсть. Глаза ея гнѣвно и дико сверкали; ротъ по временамъ раскрывался, чтобы проглотить проклятіе толпы, и тогда обнаруживалась рядъ бѣлыхъ зубовъ; она была похожа на расерженную тигрицу.

— Эй вы!—Что сдѣлала вамъ эта дѣвушка? спросилъ Трезулей, вѣхъ въ кругъ.

— Саръ Вальтеръ! сказалъ одинъ изъ народа выстула впередъ. Это Бессъ Гинтъ, дочь наядѣлы Моора. Преславъ дѣвушка.

Бессъ сдѣлала гнѣвное движеніе.

— Видите, саръ? Посмотрите-ка, она хочетъ драгаться! вскричалъ нѣсколько голосовъ.

— Тшше, вы тамъ! крикнулъ саръ Вальтеръ, что сдѣлала вамъ эта дѣвушка?

Бѣсъ замолчалъ.

— Что-же вы не отвѣчаете? спросилъ Генрихъ, не безъ ироніи смѣрившій на дѣвушку.

— Отвѣчать-то на это мудрено, пропашесъ толстый кунаецъ Дюни изъ Блѣдъ Ромнея. Вся она изъ того ное, какъ задолжана.

— Ха! ха! смѣялся Трезулей. Ну, она не похожа на задолжана.

— Да, да—Дюни говоритъ правду, шумѣли ротики.

— Негоданъ вы всѣ! вскричала Бессъ, гроза палкой.

— Я пришла сюда, чтобы продать нѣсколько аршинъ кружева — суцары. Я никому не дѣлаю зла. А вотъ они собрались, чтобы оскорблять меня, почему что...

Она замолчала.

— Почему? спросилъ Генрихъ.

— Потому, что она козловуя! вскричалъ Дикъ, портной.

— Нѣтъ, оттого, что она дочь контрабандиста! перебилъ кунаецъ. Она пользуется случаемъ, чтобы пронести товаръ, который ее отецъ получаетъ изъ Франціи.

— Ура! Дюни говоритъ правду! гремѣла толпа.

— Это не ваше дѣло, сказалъ саръ Вальтеръ. Объ этомъ долженъ заботиться губернаторъ; — оставьте дѣвушку!

— Позвольте, саръ! кричалъ расходиншійся портной. Мы должны объяснить ее; знаетъ: насъ беспокоитъ не одно только козловство и контрабанда, а что нибудь еще не важнее. Гунты пашта, приверженцы аристократіи, которая призвана въ напаштъ Стюартамъ. Гунты имѣютъ сношеніе съ обществомъ напаштвъ въ Лондонѣ и съ мошакми, которые тамъ скрываются. Это чело́вѣкъ опасный; онъ способенъ, подобно Гою Фейсу, подготавливать пороховыя заговоры; ему поручено тайно переводить протестантовъ въ католичество. Эта дѣвушка разноситъ католическіе листки и суетъ ихъ каждому, кто прохидитъ мимо ея—свободные англичане не должны терпѣть недобрыхъ людей.

— Ого! вскричала Бессъ насмѣшливо. Глумишь портной зомъ на отца, за то, что онъ называетъ его козловымъ.

— Долой напаштвъ! вскричалъ портной.

— Долой ея! реула толпа.

— Ну, подойдите-ка! вскричала дѣвушка, изгнувшись впередъ своей стройной станъ и ставшая въ оборонительную позу.

— Бей ея! кричалъ портной и толпа ринулась впередъ.

— Назадъ, именемъ короля! крикнулъ Генрихъ, который однимъ скачкомъ очутился между Бессъ и ея протинниками. Кто смѣетъ нарушать спокойствіе въ присутствіи его величества?

— Да вѣдь она напашта;—католики враги короля Вильгельма! возразилъ портной.

— Много-ли вы смыслили в этом, любезный друг! — сказал Генрих. Лучше займитесь обь вашей охотой, чѣмъ о политикѣ.

— Милостивы государи! вскричалъ съ гнѣвомъ Дикъ. Охвѣтѣть реалию — долгъ каждого англичанина.

— Но въ наши обязанности не входитъ обращаться какъ съ дикими звѣрями съ людьми другого вѣроисповѣданія. Король желаетъ, чтобы въ его государствѣ была вѣроисповѣданіе. Вы ошибаетесь, если думаете угодить его величеству преславленіемъ честныхъ католиковъ.

— Да, честныхъ — какъ не такъ! возразилъ куаченъ.

— Послушай, моя милая, сказала Генрихъ; правда-ли, что у тебя есть листки отъ католиковъ?

Бесси посмотрѣла на лейбъ-гвардію своими черными глазами; въ ей взгляды свѣтлѣе благодушія; она подошла къ своему защитнику и протянула ему руку.

— Приниме мою благодарности, сэръ, прощайте она. Вы защитили меня — вамъ я позволю ослушаться уезду.

Она быстро развѣлаа свой узелокъ, изъ котораго вынула нѣсколько мотковъ шерсти, два цѣпѣта и лаубовъ шитовъ.

— Вотъ вамъ католическіе трактаты! — вскричала она гасмичино.

— Вы видите, тутъ ничего нѣтъ! сказала Генрихъ. Я запрещаю кому бы то ни было изъ васъ вредить этой дѣвушкѣ, если вы не хотите испортить на себѣ немощи короля. Прочь!

Толпа уступила этому энергическому приказанію и разошлась съ восторженіемъ.

— Поспѣши уйти отсюда! сказала Генрихъ Бесси. Буйная толпа можетъ оскорбить тебя, если ты останешься здѣсь.

— О, они боятся меня, сказала Бесси съ дикимъ, сверкающимъ взглядомъ. Я для нихъ опасная кошма — только сегодня имъ было изъ очень много; — если бы вы не подошли, сэръ, то они убивали бы меня, а можетъ быть и умертвили бы. Тысячу разъ благодарю васъ! Вы освободили меня и, вотъ, намъ моя рука, при случаѣ я не забуду вашей услуги.

— Король собирается! крикнулъ Треуауей. — Я долженъ идти къ нему! сказала Генрихъ. Бесси удалилась.

— Я отблгороду васъ за услугу! вскричала она и въ два прыжка исчезла за домомъ. Вскорѣ она снова появилась на холмѣ, еще разъ махнула рукою и исчезла.

— Странное созданіе! сказала Треуауей. Однако, вы сдѣлали хорошо, что заступились за нее. — Теперь вы видите, какъ ненависть обиваетъ съ толку людей, сказала Генрихъ. Задѣше жители фанатикъ.

Они пришли къ церковному дому. Король стоялъ передъ дѣрзко съ лордомъ Сиднейсъ; всѣ стояли безъ шапокъ; общество охотниковъ образовало уже широкій кругъ около Ромея и ожидало знака для начала трапезы. Егера, загонщикъ, псаря и сами охотники напряженно смотрѣли на небольшую террасу дома, гдѣ стоялъ король. Вильгельмъ; разговорная съ пасторомъ, они сошлись на лѣстницю террасы. Его преподобіе описывалъ королю мѣстополюженіе.

— Тамъ, въ говорите, лежитъ Бренчтъ, сказалъ король.

— Точно такъ, ваше величество.

— Туда направится наша охота, замѣтилъ Сидней.

— Славное мѣсто для охоты, сказалъ король. Оно заканчивается котлованомъ — въ какомъ это мѣстѣ?

— У Блэкстоуна, сказалъ священникъ. Ваше величество не замѣчаетъ ли, тамъ, на самомъ горизонтѣ, небольшой холмикъ?

— Да, да — я вижу тамъ, внизу.

— Это Блэкстоунъ. Тамъ первоначально была строенія римлянъ, которые, какъ извѣстно,

поселились здѣсь при Цезарѣ. Позднѣе, на этомъ мѣстѣ была сооружена церковь, отъ которой остались одѣе развалины. Это мѣсто непригодно и побѣдится людьми — хотя многие желаютъ приобрити его.

— О, вѣроятно, о немъ существуетъ какое нибудь страшное преданіе! сказалъ король съ смѣхомъ.

— Говорятъ, что въ развалинахъ зарыты сокровища, съ обладаніемъ или приобритеніемъ которыхъ связываются разнаго рода преступленія. Будто бы тамъ прорыты подземные ходы; разсказываютъ, что путешественники ночью видятъ тамъ привидѣній и что люди, желающие вырыть эти сокровища, бесцѣдно пропадаютъ.

— У, въ самомъ дѣлѣ! сказала король.

— Но, я думаю, ужъ лордъ Сидней потерялъ терпѣніе — пора на охоту — ауская тропка въ рога.

Опять зазвучали трубы, раздался собачій лай, охотники замесившись, король вскакивалъ въ сѣдло. Лейбъ-гвардія окружала его.

— Генрихъ Габбартъ, сказалъ король, мы поучедемъ сегодня въ Гуденсфордъ, отправляйтесь туда и ждите меня.

Генрихъ поклонился.

— Это какъ разъ подѣлъ замка Нейдерграса, бормоталъ онъ, выска рывшись съ прочими всадниками. Посадъ шести дѣтъ судьба опять приводитъ меня въ это мѣсто.

Король приказалъ подать себѣ стаканъ вина. Онъ выпилъ за благоденствіе Оальдъ Ромея, потому дакъ знакъ и при торжественныхъ крикахъ толпы началась охота короля Вильгельма въ Ромейной Моорѣ.

(Продолженіе будетъ).

Послѣдовательница Лафатера.

(Продолженіе).

IV.

НОВОСТЬ.

Женитьба! какой врагъ! онъ сражается тайно; онъ нападаетъ внезапно, ночью. Гдѣ настѣтъ его? какъ преслѣдовать? Нѣтъ болѣе борьбы, сдѣлованіе нѣтъ и надежды. Одна эта мысль повергла въ болѣзнь г-жу Дезолье, она должна была лечь въ постель; а вѣнчики въ Фавери прерывались. — Юліанъ не являлся. Она написала: отвѣта не было. Она хотѣла идти за нимъ, но была такъ слаба, что не могла держаться на ногахъ. Ее посадили въ кресло, къ оному; и тамъ, побѣжденная, разбитая, она валялась на окрѣпительной сѣдѣ. Все нѣтъ: сирень и лавень. Прозрачные облачка пробѣгали по небу; это было счастье и золотое время. Г-жѣ Дезолье тяжело было видѣть эту противоположность. Она принималась читать, но чтеніе часто прерывалось слезами. Она не принимала никого и все думала. Цѣлый день провела она въ уединеніи; только срывъ показався ей слишкомъ длиннѣе. О Юліанъ все не было слуховъ. Раздался звонокъ. Это былъ г. Фавери. Онъ налезъ скромнымъ и покорнымъ насѣдникомъ. Онъ явился констатировать фактъ ужасныхъ страданій, окупать нудель у большой. Его настоящее положеніе давало ему на это право; его назначеніе было утѣшать женщинъ.

Но въ этомъ случаѣ назначеніе оказалось не легкимъ; бѣдная г-жа Дезолье была такъ бѣдна и задушевна, что не было надежды ее развеселить. — Другой звонокъ заставилъ ее вдрогнуть, — безъ сомнѣній, отъ надежды! Доказанію о маркизѣ де Мегенвилъ, повѣстѣ Юліана. Лѣтняя и хитрая маркиза несподручно вѣсело-чуждый родъ изъ за своего краснаго носа, хотя никто не былъ тутъ виноватъ; но Бога, единствен-

наго виновника, надѣлавшаго ее этой непріятной особенностью, она убѣждала, что носить въ сердцѣ. Г-жа Дезолье вѣдалась съ г-жой де Мегенвилъ по разу въ годъ. Это неожиданное послѣднее неспутало нашу героиню. Ея сердце билось такъ сильно, что она чуть не упала въ обморокъ. Напрасно удерживала она г. Фавери, который поспѣвалъ уйти. Онъ сырлеса.

— Вы, вѣкается, не очень здоровы? спросила г-жа де Мегенвилъ.

Я немного слаба; у меня нервы разстроены. — Это болѣзнь людей, у которыхъ нѣтъ настоящей бѣзвѣны, возразила г-жа Мегенвилъ, ни когда не упускающая случая прочесть провозвѣщеніе.

Разговоръ пошелъ о погодѣ, о планахъ на лѣто; нѣсколько словъ о близкихъ, весьма сомнительнаго доброжелательства.

Г-жа де Мегенвилъ насматривала на часы съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорила себѣ: «Я разражусь въ такомъ то часу». Поисмалась чистый и дрожащій шлыкъ. Пробило полъ часа; безъ сомнѣній, это былъ назначенный срокъ.

— Давно ли вы видѣли моего зятя? спросила г-жа де Мегенвилъ.

— Два или три дня тому назадъ, отвѣчала г-жа Дезолье.

— Его голосъ замѣтно дрожалъ; она испугалась.

— Слышали ли вы пріятную новость?

Какая тишина! слышенъ былъ только стукъ маятника, совершающаго свое правительное движеніе. Наконецъ г-жа Дезолье проговорилась и при томъ у ней не доставало силъ замолкнуть.

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ эта новость: Юліанъ женится. Какъ! неужели онъ ничего не говоритъ намъ? Это очень непріятельство съ его стороны; я ему сдѣлаю выговоръ.

Сколько твердости въ женщинахъ! Г-жа Дезолье не ослышалась собору. Кровъ смертельной бѣзвѣны, никакого сѣзда смущенія нельзя было замѣтить на ея лицѣ.

— На комъ же онъ женится? спросила она.

— На дѣлѣ Дюрвалъ. Вы, я думаю, не знаете ее: это милая особа, отанно образована, очень набожна. Ея отецъ кузнецкій мастеръ, извѣстный богачъ.

— Подурядите васъ и благодарю за добрую вѣсть. Будьте увѣрены, что она меня очень интересуетъ.

Бѣдная женщина! она говорила правду.

— А я такъ совершенно счастлива, возразила г-жа де Мегенвилъ. Посадъ смерти моего мужа, я вела уединенную жизнь; теперь же буду имѣть сестру и подругу. М-лле Дюрвалъ очень мила; я ее хорошо знаю, мы уже полюбились другъ друга. Она встала; г-жа Дезолье съ трудомъ посадила ее на примку; она придерживалась за мебель. Г-жа де Мегенвилъ не сомнѣясь же удовольствовалась.

Недостатокъ послѣдняго удара.

— Я никакъ не думала, прибавила она на порогахъ, что первая сообщу вамъ нашу общую радость. И какъ это Юліанъ ничего не говорилъ вамъ обѣе другъ? Онъ всегда былъ въ числѣ нашихъ друзей, а сдѣлава затѣвывая уже давно.

Разговоръ о Лафатерѣ все продолжался, когда подали чай. Сказатель, ротъ котораго былъ полонъ, не въ состояніи былъ возразить; г-жа Дезолье вала на себя его роль.

— Я хорошо васъ понимаю, г-нъ Соалье, сказала она; вы думаете, что наши внутренніе склонности проявляются во внѣшнихъ признакахъ. Стоить только ихъ разсмотрѣть и разобратъ, чтобы составить понятіе о соотношеніи души и наружности. Не правда-ли?

Г-нъ Соалье сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— Я готова вѣрить, сказала г-жа Дезолье; но, чтобы убѣдиться, объясните мнѣ, почему личи, совершенно похожія другъ на друга по внѣшности, не имѣютъ никакого сходства въ ду-

нѣ и въ характерѣ. Этого случая вы должны непременно разсѣнить. Отвѣйте на мое возраженіе и я буду почитать Лафатера, какъ вы.

— Bravo! вскричалъ скаутыоръ, выпившій чай и подавшій въ свою очередь голосъ; я тоже самое хотѣлъ сказать.

Г-нъ Соле не задумался.

— Ваши доводы, сударина, остались бы безъ противорѣчій, поздравляю, если бы вы ученымъ системамъ противопоставили ученое возраженіе. Вы разсуждаете легкомысленно, какъ всѣ свѣтскіе люди, и утверждаете, что два существа, имѣющія одно лицо, не имѣютъ одной души. Откуда вы это взяли? Это все поверхностная понятія, нѣсколько созвучъ, дѣй въ три слоганъ; словомъ, то, что называется знаніемъ человека въ свѣтъ и глубокимъ непониманіемъ въ ученое отношеніи.

А! вотъ каковы эти ученые! вскричалъ скаутыоръ, они дѣйствуютъ какъ жрецы. Если имъ противорѣчатъ, они тотчасъ называютъ васъ отступниками, уходятъ подъ защиту храма и поражаютъ оттуда громами. Г-жа Дезолье говоритъ правду; двадцать разъ мы встрѣчались два человека, совершенно похожие одинъ на другого лицомъ и имѣющие различный характеръ. Да вы сами, если захотите быть искренни, то признайтесь...

— Я этого и жалѣю, сказалъ г-нъ Соле. Теперь стану сомнѣваться въ моей искренности. Сейчас вы мнѣ говорили о жрецахъ и ученомъ. Одно изъ этихъ знаній приводитъ меня въ ужасъ, другое я недоумствую. Оставимъ въ сторонѣ различныя примѣры поступковъ ученыхъ и свѣтскихъ людей. Въ этомъ случаѣ мы согласны. Но позволяете мнѣ привести другое доказательство. Наконецъ уже, что я вѣрно въ учености Лафатера. Но, предположивъ, что передъ нами какой нибудь субъектъ; разсматривая его, мы доказываемъ близкое соотношеніе между его характеромъ и фізіономіей. Теперь намъ представлялся другой субъектъ, подобный первому, въ которомъ прежде всего насъ поражаетъ сходство лица. Характеръ его насъ долженъ быть схожъ съ характеромъ перваго. Что вѣрно у одного, не можетъ быть лѣвѣе у другого. Истина по сю и по ту сторону Пришесъ! Итакъ, ничто не можетъ меня разубѣдить, ничто, слышите ли, даже матеріальное доказательство, что два человека, имѣющие въ своей фізіономіи и чертахъ лица сходство, доказанное ученымъ путемъ, не имѣютъ въ тоже время сходства и въ нравственномъ отношеніи. Не утверждаю, однако, что они имѣютъ одинаковыя привычки и стремленія; самая ихъ жизнь можетъ быть различна; они развиваются при различныхъ условіяхъ; они подвергаются различнымъ влияніямъ. Но въ данную минуту, при непосредственныхъ обстоятельствахъ, сходство выходитъ на наружу. Но отчего это? Оно побужденія гнѣва, порыва страсти или неопредѣленности? Лафатеръ, какъ и всегда, будетъ правъ. Впрочемъ, не спорьте со мною; я убѣжденъ.

Споръ кончился. Скаутыоръ вышелъ, пожимая плечами, а г-жа Дезолье подумала, вздохнувъ отъ огорченія:

— Разговоръ на этотъ вечеръ прекратился!

V.

Воскресенье.

Г-нъ Дезолье не былъ докончымъ мужикъ. Занимаясь постоянно воспитаніемъ лошадей, онъ былъ немалосчастливъ; но вдругъ какъ-то и его обдуло честолюбіемъ. Онъ захотѣлъ сдѣлаться депутатомъ. Посовѣтовавшись со своимъ советникомъ, онъ заключилъ, что во всей Никарии не найдется ни одного человека, болѣе его способнаго къ исполненію этой обязанности. Твердый въ своемъ убѣжденіи, онъ помогъ раздѣлить его съ женою.

— Я кое-что затѣваю, сказалъ онъ за завтракомъ; вы можете мнѣ привести мой проектъ въ исполненіе.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я хочу сдѣлаться депутатомъ.

— Зачѣмъ?

— Я имѣю для этого всѣ данныя. Я богатый владѣлецъ, люблю порядокъ, не имѣю никакого политическаго мнѣнія...

— Стаю быть, вамъ нужна только поддержка отъ правительства.

— Но какъ достигнуть этого? Меня совсѣмъ не знаютъ.

— Тѣмъ лучше.

— Это мнѣ кажется эпитафией. Если вы не захотите помочь мнѣ, я ничего не достигну.

— Нужно бы вамъ по болѣе выказать въ свѣтъ; вы живете какъ затворника.

— Я уже не молодъ.

— Это ничего не значитъ. Да, наконецъ, если бы вы захотѣли, вы могли бы мнѣ составить большую протекцію. Г-жа А... очень желаетъ быть приглашена въ герцогиню А... Сдѣлайте для насъ посредничество. Устройте, чтобы она была на базѣ у вашей подруги, и я буду вынужденъ въ депутаты, благодаря г-жѣ А...

— Жаль отказалъ вамъ, но я уже удалился отъ свѣта.

— Вѣдь выказалъ же я для васъ тысячу разъ; кажется, можно-бы, одинъ разъ въ жизни, отплатить мнѣ тѣмъ же.

Г-нъ Дезолье рассердился и вышелъ.

Г-жу Дезолье мучила совесть за отказъ супругу; она за многое должна была вознаграждать его. Но, нѣтъ, эта жертва была ей не по силамъ.

Однажды вечеромъ г-нъ Дезолье намотъ свою жену въ болѣе хорошемъ расположеніи духа. Они возобновили свою прелесть, она согласилась. Этого несчастный супругъ, будущій представитель народнаго мнѣнія, поддерживаемый правительствомъ, вовсе не зналъ логики фактовъ. Эта внезапная благосклонность была бы мнѣе для него удивительною, если бы онъ могъ замѣтить вліяніе, которое произпало на его жену болѣе сильное, чѣмъ черной каймой; онъ видѣлъ это писмо, потому что сказала: «не забудьте послать картинку». Это писмо уфѣждало, что г-нъ Дюрвалъ отдалъ свою душу Богу, а деньги зятю. Юліанъ былъ въ глубочайшемъ траурѣ, и г-жа Дезолье могла вновь расчитать, что не встрѣтитъ его на базѣ. Герцогиня А... давала слово пригласить г-жу А... но съ условіемъ, чтобы г-жа Дезолье вознаградила ее за это своимъ присутствіемъ. Тщеславіе естъ немаловажныя болѣзни: нѣтъ, ни горестей, ни слезъ, которыя могли бы излѣчить отъ него свѣтскихъ людей. Прошло уже три года, мода измѣнилась; г-жа Дезолье опять должна была возвратиться въ своей портнихѣ и парикмахеру. Она имъ объясняла, что уже состарѣлась, а между тѣмъ, три раза пріѣхала свое платье, а парикмахеръ утромъ приходилъ къ ней, чтобы посовѣтоваться на счетъ уборки головы.

— Кто могъ-бы предсказать, что я рѣшусь на это? прибавила она вздохнувъ. Впрочемъ, я только не хочу гнать своимъ лицомъ добрыхъ людей.

Вечеромъ назначеннаго бала, когда парикмахеръ окончилъ головную уборку, г-жа Дезолье вала перомъ и любила на свои занозы волосамъ, усѣянныя брилліантами, упила дѣв съ кисти, катившая по ей цѣвкамъ. Она съла къ камину, въ большое кресло, въ которомъ проводила всѣ вечера. Не доставало-то Соле. Она думала о немъ. Она принимала все, что онъ говорилъ о Лафатерѣ, она размышляла о немъ, забывъ и балъ, и муку.

Г-нъ Дезолье возмолъ. Нужно было вѣять, вѣять съ собою г-жу А... Господи Дезолье вѣдала сиротъ вѣтеръ у горничной. Съ этимъ вѣтромъ много воспоминаній возникло въ его голодѣ. Юліанъ подарилъ его ей въ вѣнчикъ. Она вышла

тила его такъ быстро, что пера мушкетера переломилась; нужно было достать другой. У нея не хватало мужества, а силы почти истощились ей.

Герцогиня А... пришла г-жу А... прекрасно, а г-жу Дезолье такъ, какъ будто видѣла ее напуганъ.

Суданъ музыки, нѣтъ болѣе освѣщеніе, чувствъ вліяній запаховъ цвѣтовъ, г-жа Дезолье испытывала такое страшное томленіе, что прошептала: «Мой мужъ отишегъ!» Это происходило въ томъ самомъ залѣ, въ которомъ она первый разъ танцевала съ Юліаномъ, подъ музыку того же оркестра, когда онъ ей сказалъ: «Я васъ люблю!» Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!

(Продолженіе будетъ).

ДЕЗАРЬ КАПАРА.

Фантастическій разсказъ.

(Продолженіе).

Балъ продолжался. Блестящее солнце освѣщало теплыми лучами это веселье. Платъя танцующихъ переливались яркими цвѣтами, губы ихъ открывались для радостныхъ возгласовъ.

Корсеты съ трудомъ удерживали навознованная груди, выхвачивъ воздухъ пошлыми легкими.

Красиво окруженные плечия, выдававшіеся изъ подъ бѣлыхъ платковъ, принимали на сонцѣ тотъ свѣтлый отблескъ, который обозначаетъ здоровье.

Жизнь запылала себя въ этой горячей температурѣ по всемъ вѣтвицамъ... Дойдя до этой точки пропавленія, она достигла апогея своего могущества; ей осталось только устать и ослабнуть. Такимъ образомъ общество, бывшее у Матеуса, дошло до той степени восприимчивости, которая подвергаетъ организмъ власти агентовъ преобразования.

Эти агенты были многочисленны. Уже довольно долгое время тропическая температура раскаляла воздухъ Молдау. Густой туманъ, пробитанный мѣстами, подымался къ яркому небу, налитыи воздухъ зараженными эволюціямъ.

У г. бургомистра было такъ весело, что онъ весь углубился въ свое счастье и вовсе не заботился о гнигнущихся вѣтрахъ, столь необходимыхъ въ такое жаркое лѣто.

И такъ, какъ ничто не проходило безсѣдно, то и эта опрочметность имѣла свои послѣдствія.

Наконецъ танцы прекратились, и, по принятому обычаю, двери дома отворились пастежъ, чтобы каждый, войдя въ нихъ, поздравилъ жену съ невѣстой.

Два ослепленныя дѣвушки и старуха, дочь и мать, проскальзывали въ толпу, бросая непринятые взгляды на все, что чувствовалъ себя хорошо.

Эти дѣвзвѣрденія сами причислялись въ городъ въ стариннымъ сем-вѣсткамъ цыганъ, въ кварталъ которыхъ они обитали. Но тотъ, кто могъ бы приподнять покрывавшую ихъ маску, узналъ бы въ этихъ женщинахъ типъ, принадлежащій въ такъ называемымъ *простымъ тѣлами* природы. Въ ихъ жилахъ текла кровь, ни когда не съмылившаяся, прошептала отъ потомъ въ Канна, первого убійцы, первого врага жизни.

Эта раса, извращенная, съ самого своего появленія, дурными началами, заключаетъ въ себя существо съ свирѣпыми и дикими наклонностями. Чтобы быть крѣпкими, имъ нужно жить въ мѣстахъ богатѣйшихъ, зараженныхъ, съ вонючими воздушномъ. Они любятъ темноту, дождливую погоду, грязные кварталы въ городѣ и нечистоту; однимъ словомъ, все гадкое и отталкивающее при-

искается ихъ съ необычайною силой. Можно предположить, что природою установлено большое сходство между этими людьми и свирлыми, ядовитыми животными, ядовитыми грибами и отравленными минералами.

Въ противоположность этой расѣ, люди съ умомъ, вступившими на путь развитія, люди, выработавшие, посредствомъ мышления, стремление къ прекрасному, ничуть свѣта, чистоты формъ и лишанно.

Объ расы невинности другъ другу; весь лѣт первой направляетъ къ одной цѣли: затмить умъ и разрушить тѣло другой.

Объ женщины державшей въ самомъ темномъ углуб обширной массы, образуя любовную группу, застланную въ живописная дохоты изъ неопредѣленной матеріи.

Старуха не была безобразна; но правильность ея фізіономіи нарушалась особеннымъ выраженіемъ. Характеристическая черта въ ея глазахъ, прилежанная вниманію, была суровость; нѣкоторые рѣзкіе черты придавали ему отнюдь жестокой невинности и презрѣнія. Къ тому-же, время изобразило его глубокими морщинами и изсушило въ мѣткіе чести.

Молодая дѣвушка, почти ребенокъ, на видъ казалась легкой. Она сверкала огромными черными глазами, выдвигавшимися на ея бровяхъ. Ея лицо сверкало съ густыми черными нудрами съ голубоватымъ отблескомъ.

— А! старая Саади, вскричала одна изъ дѣвушекъ, пусть она предскажетъ намъ хорошее будущее.

Старуха, тотчасъ окруженная со всѣхъ сторонъ, сѣмьлася, какъ будто ее уколоти; она нахмурилась и неспроста передернула плечами, напруга шейные мускулы; промолвила нѣсколько словъ, которыми едва-ли можно было приять за благословеніе, она произнесла слѣдующее:

— Хорошее будущее, хорошее будущее... оттого же не дурное? Что-же въ вашихъ особахъ необыкновеннаго, чтобы судьба заготовила для васъ все наилучшее? Право, это странно... Маленькая созданія, потому только, что обладаютъ блѣдой кожей, широкими ноздрями и пустой головой, присвоивать себѣ все заботы великихъ строителей міра! Каліусъ Гересомъ, это любовничество. Блѣлая кожа... Мать вѣдь то-же блѣлая. Блѣлое отталкиваетъ свѣтъ, тѣнь цѣлѣе его притягиваетъ. И суждана!... Конечно, скорѣе земной шаръ остановится, чѣмъ ваши желанія встрѣтятся сопротивленію... Главная бѣдаfulness для такихъ шаловлихъ и грубыхъ рукъ! Пястиче, молодцы, пилотиче... только остерегайтесь, чтобы не простудиться.

Разгнѣванная молодая бросилась къ Матеусу съ такими неотступными жалобами, что тотъ рѣшился употребить въ дѣло свою власть. Онъ, принявъ такое рѣшеніе не опротивѣло, а послѣ серьезнаго размышленія о дѣлѣ, затронувшемъ честь его дома.

Онъ тогдашнему подполковъ въ незнакомъ, когда Капарра, которого эта сцена очень забавляла и который одинъ поддѣлывалъ художественную сторону двухъ колдуній, сдѣлалъ знакъ своему лѣдъ и направился съ въ темный уголъ.

— Ну,—обратился онъ къ Саади, предсказывай мнѣ будущее.

Тѣбѣ, отбѣдала она, пристально посмотрѣвъ на него; хорошо... подожди.

Кругомъ слова сомнѣнія, но молодая дѣвушка уже не казалась такими милоушными. Опушеніемъ губы ихъ выражали недовольство. Маленькіе плечики казались не такими круглыми, какъ прежде; онъ сдѣлался угловатымъ, вслѣдствіе того, что руки теперь опустились внизъ и были краями.

Внимательно осмотрѣвъ Капарра, какъ натуральность, которую предлагаютъ драгоценный субъектъ для естественныхъ наукъ, старуха пала

его за обѣи, раскрыла заднюю и начала внимательно наблюдать перерывавшимися на нѣхъ липш.

Она сдѣлалась серьезною и выразила большое удивленіе, найдя рѣшеніе своей задачи совершенно инымъ, чѣмъ предполагала.

— Ты не изъ липшихъ, сказала она; однако, странно... между тобою и людьми, знающими великую науку магіи, есть какая-то связь, которой и не могу объяснить; въ тебѣ представляется возможность подчиненія таинственнымъ силамъ... Ты можешь имъ предаться... Знай, видимый міръ есть оболочка, скрывающая невидимое... Берегись дурныхъ духовъ невидимаго міра... Твое названіе важно, подумай о немъ; у тебѣ потребуются много, потому что тебѣ много дано. Берегись, Капарра, берегись.

— Ты укасиѣшая невѣжда, старая Саади, возражалъ силѣс молодой человекъ; но есди, благодаря твоему вѣщательству, таинственнымъ силамъ захотѣтъ ускорить свои нападенія противъ меня, то было-бы не безынтересно узнать, что они сдѣлаютъ изъ твоего поворотлившаго слуги, мастера Цезаря Капарра. Мои флорентійскіе друзья называютъ меня такъ изъ лести, потому что я сносно играю на свирѣхъ... Вѣдь я заставляю палать духомъ.

Саади выпривилась:

— Замолчи! безумный гордецъ; не пытайся пройти санижомъ спору растопленію, отдающее тебѣ отъ далекаго будущаго. Ты уже на свирной дорогѣ, самой короткой... Берегись, а тебѣ предудреждаю!

— Предупреди также твою дочку, которая хочеть броситься на меня, точно пантера.

Неужели ты хочешь сѣсть меня... и Гертуру твоими глазами, мое дитя... Маріамъ, при этомъ замѣчаніи, вса дрожжала; однако, шутки флорентинца не могли заглушить въ ней уваженіе, которое она къ нему чувствовала.

Знаютъ, убокой отыскивать причины впечатлѣній и давать имъ настоящее значеніе, воплоти соотвѣствующее неограниченности научныхъ гипотезъ, объявлялъ бы, не колеблался, что молодая дѣвушка находится подъ вліяніемъ явленія, воплоти объяснимаго словомъ гипотитизмъ.

Ниче нельзя было объяснить научнымъ и, сдѣдовательно, благоумнымъ путемъ, почему Цезарь вивушалъ въ себѣ нѣкотораго рода обожаніе въ молодой цыганкѣ. Бѣдная дѣвушка чувствовала это и съ нѣвѣнымъ любопытствомъ откинула волны своихъ кудрей, чтобы вѣтисъ глазами въ Цезаря. Онъ былъ первый человекъ, ко мѣ мнѣно, достойный этого названія; она смотрѣла на него такъ, какъ, вѣроятно, Адамъ глядѣлъ на Еву, когда въ первый разъ зачѣлалъ се въ раю.

Въ этотъ моментъ снѣлая Гертура безъ церемоніи оттолкнула своего кузена, чтобы протянуть руку передъ цыганкой.

— Ну, теперь мое очередь, сказала она.

— Да, это правда, пробормотала старая Саади, теперь твоя очередь... Матерія постѣ дѣла... Ничего, кромѣ тѣла, ничего... семя, вѣроятно, нуждалась въ большомъ количествѣ удуренія, чтобы положить столько миса на твои кости... Что-же ты хочешь, чтобы я предсказала тебѣ, по твоей ругѣ, молодая барышн! Рука твоя такъ жирна, что нельзя различить на ней ни одной черты...

При этомъ заключеніи, негодное охватило все общество. Скандализованная Гертура выражала свой гнѣвъ цѣлымъ потокомъ фразъ, доказывавшихъ, что она иногда можетъ вѣтисъ изъ своей обычной апагіи и выказатъ нѣкоторую энергію.

Капарра поскорѣ прогналъ обѣихъ женщинъ, въ ту минуту, когда Бургомистръ, наэлектризованный гнѣвомъ, хотѣлъ вытолкать ихъ за двери по своему.

— Да какой стѣпеніе не уважать меня, вскричалъ онъ, и въ такой дѣсь!

Потомъ онъ пономѣлъ утѣшать Гертуру, кото-

рая, сидя въ углу и скрестивъ руки на колѣняхъ, начала колдовать и нетерпиво толкала ногою, чтобы этии рѣзкими движеніями утѣшить послѣдніе остатки гнѣва; отецъ всплеснулъ руками; дочь, жвавъ губы и издавъ шепъ, бросила на него очень прасорный взглядъ. Между тѣмъ, Капарра далъ знакъ музыкантамъ и танцы возобновились съ оживленіемъ.

Сдѣлудя принятому порядку вещей, дни, послѣдованіе за этии достоянствительнымъ оруженіемъ, должны были для молодыхъ супруготъ быть шиты золотомъ и шелкомъ. Цезарь дѣлалъ свое дѣло, т. е. цукалъ въ ходъ все изобрѣтательность, чтобы очаровать и развѣлеть германскую паршу красоты, которая скорѣ должна была покинуть въ Италию свое неозватное имя Гертуру Матеусъ, переимѣнивъ его на сипыру Капарра.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Съ новымъ годомъ! съ новымъ счастьемъ! слышите вы здѣсь; съ новымъ годомъ! съ новымъ счастьемъ! слышите тамъ. Въ желаніи намъ полого счастья въ новомъ году. На ушахъ, въ домахъ, въ театрахъ—вездѣ слышится одна и та же фраза. Не только близкіе знакомые, съ которыми, ради новаго года, вы любите съестъ въ вѣтрѣхъ, но и мало знакомыя знакомыя съ ея лицомъ, съ какии-то особымъ удовольствіемъ, смотрятъ намъ въ глаза, между тѣмъ, какъ въ выраженіи ихъ фізіономіи такъ и говоритъ намъ: «съ новымъ годомъ!». Случаются и комическія пропесни: такъ, одинъ господинъ, принявшій нѣсколько десятковъ поздравленій и пожеланій, и, конечно, благодарившій за нихъ, до того замолотился, что, когда одинъ знакомый подошелъ къ нему съ фразой: «А читали вы, какъ вѣра французотъ побѣдилъ? онъ съ какой-то особенной радостью проговорилъ: «и васъ также, и васъ также!»

Курьеры, разносчики афишъ и журналовъ, лакеи, швейцары, вотъ кто усердіе всѣхъ поздравлялъ съ новымъ годомъ. Въ дѣлаи принималъ одно выраженіе. Получивши безчисленное множество подобныхъ поздравленій, прѣлжаю и въ первый день новаго года въ однихъ мимолетныхъ минутахъ, съ цѣлю остаться обѣдѣ, сажусь на диванъ и думаю: «слава Богу, конецъ поздравленіямъ», вѣдуть ко мнѣ подходитъ собачка и начинаеть умилно на меня смотрѣть, особенно засовно поинтересна, обихватитъ мои ноги и вилать хвостикомъ. Мнѣ казалось, что выраженіе бишинной морды такъ и говорило: «съ новымъ годомъ»; ну, думаю, и этотъ жедетъ подачи. Нечего дѣлать, пришлось потренироваться и принести кусочекъ сахара, чтобы отблагодарить бишу за его любезность.

Поймывая старому году приходится слышать много похвалъ, но много и упрековъ. Кто доволенъ и желаетъ себѣ новаго года, такого же, какъ и предыдущій, кто бранитъ его на пропавую и жедетъ съ новымъ годомъ новаго счастья.

Вообще въ Петербургѣ старый годъ несъа дурно закончилъ свои дѣла. Два грустные факта вѣлывали въ послѣдніе дни петербургскую публику: первый фактъ—это смерть К. Спаритана, который нечаянно застрѣлся на охотѣ; второй—смерть Прокофьева, которая сорвала во время репетиціи балета. Это уже не первая личность, погибавшая такимъ трагическимъ образомъ. Успѣхъ еще въ памяти ивѣнная актриса Ольга Залесъ, умершая такой же страшною смертью.

Театральный годъ закончился новой оперой, поставленной на маринской сценѣ. Въ среду 30, декабря, въ пользу господина Палачева, шла въ первый разъ опера чешскаго композитора Сметаны *Проданная невеста*. Уже до первого

представления объ этой оперѣ ходили самые благоприятные слухи. Дѣйствительно, музыка весела, игрива, характерна, но не серьезна. Опера слушается съ большимъ удовольствіемъ. Но въ ней есть одинъ недостатокъ, который неспроста порождаетъ слушателя, особенно не подготовленнаго къ подобному сюрпризу.

На сцену вступивъ замкнувшись дурачень. Вамъ вѣрно случалось говорить съ замками; неправда ли, какъ тяжело ихъ слушать и въ простомъ разговорѣ? Что же должны вы испытать, слушая въ оперѣ нѣкую арию, пѣтую такой. Все обаяніе престеленной музыки разрушается.

Сюжетъ оперы заключается вотъ въ чемъ:

Въ одномъ сѣзѣ, недалеко отъ Праги, живетъ богатый преступникъ Крушина (Сириотти); у него есть жена (Дитриера) и дочь (Платонова). Этотъ Крушина заключилъ письменный договоръ съ Иванъ Михай, земледѣльцемъ въ Моравіи, по которому договору Крушина обязуется выдать дочь свою Марію, за сына Миха отъ второй жены — Вачеслава (Буаховъ). Между тѣмъ Марія любитъ работница своего отца — Ивана, (Коммиссаржевскій). Иванъ также сынъ Миха, отъ первой жены, но никто изъ окружающихъ этого не знаетъ. Голымъ мальчонъ, онъ умчалъ въ родительское дома и помогалъ въ работникахъ къ чужимъ людямъ. Будущіе женихъ и невѣста никогда другъ друга не видѣли. Когда Марія объявлялась о томъ, что ее хотѣли выдать замужъ, она говоритъ, что дала уже слово другому. Главную роль въ пьесѣ играетъ сыно (Пазецкѣ), который очень хитроуется о свадьбѣ. Это самая благодарная роль. Счастъ, надѣясь на свою опытность, берется устроить дѣло.

Въ трагикъ онъ встрѣчается съ Иваномъ и уговариваетъ его отказаться отъ Маріи. Онъ обещаетъ найти ему другую, богатую невѣсту. Сначала Иванъ отказывается, но узнавъ, что женихъ Маріи сынъ Миха, соглашается уступить свою невзлюбленную за 300 золотыхъ, съ тѣмъ условіемъ, что Марія не выйдетъ ни за кого, крокъ сына Миха. Не знающіе его происхожденія, не могутъ догадаться о причинѣ, заставившей его продать невѣсту и осуждаютъ его за такой неблагородный поступокъ.

Марія, съ своей стороны, также старается разстроить свою свадьбу съ Вачеславомъ. Она находитъ его и уговариваетъ отказаться отъ Маріи, говоря, что въ деревнѣ есть дѣвушка, по уши влюбленная въ него. «Эта дѣвушка а», говоритъ она; Вачеславъ, не выдавъ прежде своей нарѣченной невѣсты, подается на удочку и обещаетъ дѣвухѣ, т. е. самой Маріи, отказаться отъ дочери Крушина. Вачеславъ дураченокъ; авторъ хочетъ выказать его въ самомъ комическомъ видѣ и сдѣлать великую ошибку, выставить его заимой. Музыка дуэта Вачеслава съ Маріей престелена, но общее впечатлѣніе самое тяжелое. Марія, узнавъ отъ родителей, что Иванъ проданъ ее за 300 золотыхъ, сначала не вѣритъ, но счастъ убеждаетъ ее въ этомъ грустнымъ фактъ, показавъ ей письменный договоръ, подписанный Иваномъ съ Вачеславомъ. Марія съ горя хочетъ выйти за Вачеслава. Конечно, дѣло кончается благополучно. Миха узнавъ въ работницѣ Крушина своего сына Ивана. Иванъ говоритъ, что, такъ какъ онъ сынъ Миха, то договоръ его не имѣетъ силы. Договоръ же Миха и Крушина нисколько не нарушается, если Марія выйдетъ замужъ за старшаго сына, вместо младшаго Вачеслава, который уже болѣе простъ умирать. Марія, узнавъ всю исторію, бросается въ объятия своего возлюбленнаго. Осрамившая снать не знаетъ куда еще скрыться отъ насмѣшекъ вѣстряльи. Тѣмъ дѣло и кончается.

Еслибъ не впаденіе на сценѣ занавѣ, опера осталась бы цѣлое пріятное впечатлѣніе. Музыка ясная, характерная. Особенно хороши танцы перваго дѣйствія, дуэтъ сына и Ивана во вторыхъ

дѣйствіи и кинетты третьяго дѣйствія, когда Миха съ женой, счастъ, отецъ и мать уговариваютъ Марію выйти за Вачеслава.

Господинъ Пазецкѣ получилъ два лауреатские вѣнны; театр, не смотря на очень высокія цѣны, былъ полонъ.

Театры полны; тресчинки торжествуютъ; Дюссель, Вейеръ и прочіе считаютъ барыши, а между тѣмъ жалоба на безденежье и дороговизну слышится со всѣхъ сторонъ. Сѣдоватошны, куплетъ Мохова въ «Петербургскихъ котлахъ» совершенно вѣренъ:

«Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло
На безобразія есть.»

Позовите же многоуважаемыя читательницы имѣть съ новымъ годомъ, пожелать намъ и мно го денегъ на дѣло.

Смѣсь.

Между нѣсколькими потерями, билеты на которые поступили въ продажу въ послѣднее время, обратила наше вниманіе потеря въ пользу рукодѣлныя, состоящей подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Маріи Николаевны, для раздачі работъ на домъ бѣднымъ лицамъ женскаго пола, существующей съ 1861 года. Не говоря о выигрышахъ, между которыми есть довольно цѣнные, какъ напр. серебряный сервизъ, золотыя дамскіе и большіе бронзовые столовые часы, а также вышитые кисейные платья, работы рукодѣлныя, удостоенное на вышнейшей нересеріи мануфактурной выставкѣ почетнаго отзыва, потеря эта представляетъ много шансовъ, для желающихъ попытаться счастья, такъ какъ на 3,000 билетовъ назначено 300 выигрышей, т. е. изъ десяти билетовъ выигрываетъ одинъ. Выставка вещей въ Пассажѣ, 1-я галлерея № 33.

••

— Прогулка по покоямъ *тюркискаго дворца*—говоритъ парижская газета «Electeur Libre»—во всякое время поучительна, и философія можетъ только пользоваться размышленіями, внушаемыми этою прогулкою. Покои бывшей императрицы выказываютъ пустоту этой женщины, которой одну минуту судьбы наши едва не были выверены.—Надъ всѣми внутренними покоями, декорированными Палластомъ, помышляютъ покои, назначенные для *работъ*. Это цѣлая амфилада комнатъ, вѣдь которъхъ, по *рельсамъ*, дѣлался *маневръ*, призывавшій и увеличившій ихъ шкалакъ платья, такъ, чтобы не помѣять ихъ. Платья спускались въ нижніе покои въ *ящики*. И какъ будто для того, чтобы бросить вызовъ науцѣ, одѣтый маневръ, вмѣсто того, чтобы при выдѣлѣ и отбѣдѣ спускаться въ чуланъ, спускался въ самую середину библіотеки, черезъ круглое отверстіе въ потолка, который открывался подобно тому, какъ въ волшебныхъ пьесахъ. Этотъ маневръ былъ извѣстенъ по слухамъ; но любознательно видѣть такую роль, какую въ жизни бывшей императрицы играло искусство *одѣваться*. Мастерскія модистокъ и швей постоянно занимали *галлерей* бывшей императрицы; эти мастерскія настоящіе магазины, окруженные огромными шкафами, гдѣ скоплялись всѣ тряпки, придуманныя женскимъ кокетствомъ. Вотъ главное и, разумеется, самое замѣчательное нововведеніе г-жи Монтхо, сдѣланнаго, по милости своихъ престелей, императрицѣ французскъ.

Вотъ что говорится въ англійскихъ газетахъ, со словъ осажденнаго парижскаго обывателя: «Одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей въ

вышнейшей замѣчательной осадѣ, саужить то, что женщины, поправленіи-мѣръ болѣешиство ихъ, считаютъ все дѣло «политично», которая до нихъ вовсе не касалась. Онѣ не побуждаютъ мужичка къ сопротивленію, не требуютъ мѣра.

Нѣскольکو съ женщинъ одѣлись впаи-дерками; остальные сожматъ только о дороговизнѣ и не утруждаютъ своей головы ничѣмъ другимъ. Если бы онѣ думали, что уступна Эльзаса и Лотарингіи поведетъ въ похищенію цѣны на мясо, то апатически высказались-бы въ пользу этой уступки; но онѣ такъ невѣжественны во всемъ, крокъ своихъ нарядовъ и романовъ Поль-де-Пока, что ограничиваются пожиманіемъ плечъ и выраженіемъ надеждъ на скорую перемирію къ лучшему. Слово перемиріе «armistice» не находится въ ихъ словарѣ и онѣ называютъ его «amistie», воображая, что весь вопросъ заключается въ томъ, дастъ или не дастъ король Вилгельмъ Парижу амистію. Подобно тому, какъ Эней съ Дидономъ срывались отъ проливнаго дождя, и я, сегодня утромъ, очутился, по той-же причинѣ, вдвоемъ съ моладомъ особомъ, подъ воротами какого-то дома. Дидона оказалась живною и очень негладуно думною, но въ теченіе нашего случайнаго разговора, я убѣдился, что, по ея сѣдѣніямъ, русскіе находятся вмѣстѣ съ пруссакими подъ стѣнами Парижа и что тѣ и другіе ведутъ войну за Испанскаго короля. Отъ нея-же узналъ я, что Седанъ находится въ сѣдѣствѣ Берлина.

Кони въ Парижѣ очень вздорливы; хорошій жарный котъ стоитъ десять франковъ. На двѣркахъ нѣсколькихъ госпиталей вышито объявленіе: «Каждый, кто принесетъ съ собою кошку, собаку или трехъ крысъ, можетъ остаться въ застрѣлкѣ или въ обѣду. Животныя должны быть непременно живны. Шкуры можно получить обратно».

Письмо, найденное въ лѣтнемъ саду.

Милостивая Государыня!...

— Въ моментъ моего уединенія... мнѣ пришла гениальная мысль вспомнить давно... давно... погасшей любви вашей—но мнѣ... минуты... я перерабалъ... миллионы нашихъ словъ, рѣчей и шутокъ рѣвался какъ птица подъ данною вѣтвиюхъ знойныхъ вечерехъ... когда въ часы досуга мнѣ!... предавался нашему (оболѣтству) кумиръ... но увы... угасши мои надежды на будущее.

Я будучи убѣжденъ что въ когда идти придетъ въ самозанесеніи и будучи убѣждены что вы, сама дѣду корень... то я рассчитываю что въ когда-либо посетите мою *чертою*—но время дѣлаетъ а...и?... все остается въ забвѣніи!...

Въ настоящее время я вынужденъ быть изъ дѣвственна была—то время вспомнить часы, минуты проведенныя очарованно... еще разъ обратитъ взоры къ... и дрожащею рукою начертать: 1-го апрѣля?—т. е. обратиться къ вамъ какъ униженный, и подкрѣпить васъ съ днемъ Вашего Ангела и какъ-же не пожелать для столь любимаго мною *на соитіи* одаренное челоуѣчество... которое хотя уже угасло наружно... но—за то внутренне не угасло до могилы!...

Въ настоящее время желаю-бы передать много-что по!... умъ мой погасаетъ,—крокъ въ жилахъ застываешь, одно прошу еще послѣдній разъ поклониться любезнѣйшей мамашѣ и сестрицѣ нашей а также поцѣлуйте отъ меня Іеничку и Миню.

За симъ остаюсь доброжелатель Вашъ до гроба N....

1870 года 31-го Марта
7 часовъ пополудни.

Продолженіе описанія рисунковъ № 3.

76—99. Бумажные цветы.

Матеріалъ Средней толщинею золотая нить, хрустальный и золотой бисеръ, бусы въ видъ различныхъ переливовъ, шелковая бумага въ три тона розоваго, голубого-зеленаго, желтовато-зеленаго, дѣлая нѣсколько въ тонъ голубаго проволочка и т. д.

На рис. 97 представляется корзинка съ цвѣтами; мы уже нѣсколько разъ въ нашемъ журналѣ объясняли выполненіе бумажныхъ цвѣтовъ, и потому для новытѣхъ въ этомъ искусствѣ мы въ частности выполненіе лѣво объясняли въ одномъ изъ номеровъ за прошлый годъ, что въ настоящее до земли чаще всего, такъ какъ, сдержанности и пр., то мы находимъ гораздо удобнѣе и дешевле, купить изъ цвѣтноты магантъ; купленные гораздо дешевле.

76—78. XXXII. Оливковый маршисъ. Изъ красной желтой шелковой бумаги прикрашивается, въ видѣ внутренней части чашечки цвѣтка, въ проволочку стебель узелкомъ, который окружаетъ сложной складочками полосой желтой шелковой бумаги въ 1 центъ, шириною; обложивъ этой полосой обложивъ узелкомъ пушистымъ кантникомъ. Также сердечникъ скрывается пушистымъ. Листья цвѣтка маршиса даны на рис. 78; по указанію рис. 77, они сдерживаются цвѣтъ; кружокъ листьевъ выкрашивается изъ хорошей блондъ пестрой бумаги; послѣ того каждый листъ съ названіемъ по среднѣ сгибается; чтобы придать краямъ немного кружавый видъ, по низу слегка прогнуть новинками. Кружокъ листьевъ скрывается въ шелковую складку и обложивъ имъ, то мы находимъ гораздо удобнѣе и дешевле, купить изъ цвѣтноты магантъ; купленные гораздо дешевле.

79—81. XXXIII. Дѣла розъ, различно исполненныя. Рис. 80 въ уменьшенномъ видѣ объясняетъ выполненіе; сѣмь и названіемъ розъ дѣлаются посредствомъ ножницъ; рис. 79 изображаетъ бутонъ. Описанная роза исполняется арестившимъ листиками въ желтый рѣдотъ; обрѣзая дѣла въ рис. 81.

82. Дѣла ромашка. Для кружка изъ блондъ пестрой бумаги различной величины, почти по среднѣ изрѣзывается бахромою, что видно на рис. 82. Каждая заостренная полоска по среднѣ проводится съ

названіемъ бахромы, отчего образуется рубчикъ; желтая прикрашивается сердечникомъ.

83—84. XXX. Жемчужина. Жемчужина состоитъ изъ четырехъ заднихъ скрещенныхъ листьевъ; половина дана на рис. 84. Для изрѣзанія различнаго цвѣта листья отгибается наружу, а для подукотытого по внутреню; цвѣтокъ прикрашивается обложивъ имъ тычинки; цвѣтокъ выкрашивается изъ блондъ пестрой бумаги.

85—86. XXXI. Бѣлая вербаска. Выкрашивается изъ блондъ пестрой бумаги, по рис. 86, кружокъ изъ листьевъ, изъ для ромашки, рис. 82. Листочки отгибается наружу; желтая сердечникъ-узелкомъ.

87—88. XXXII. Пушистая вербаска. Выкрашивается изъ пушистой шелковой бумаги; по рис. 88; по среднѣ сердечникъ-узелкомъ.

89—90. XXXIII. Мирра. По рис. 90 выкрашивается три или четыре кружка листьевъ различной величины изъ блондъ пестрой бумаги; изъ называемыхъ на небольшую тычинку. Дѣла доводится готово-купленнымъ бутониками митры.

91—92. XXXIV. Пестрая бумага. По рис. 92 выкрашивается кружокъ изъ синей бумаги; кружокъ называемыхъ складку на стебелѣ съ золотистымъ узелкомъ.

93—94. XXXV. Гвоздика. Желтоватая шелковая бумага складывается въ восемь и въ нее выкрашивается кружокъ; края вырѣзываютъ зубчиками; кружокъ покладаетъ на рис. 94. Для гвоздики требуется два такихъ сложныхъ кружка. Чтобы придать цвѣтку необходимую яркость, закручиваютъ листья съ листьями небольшой кружокъ желтого золота, отчего бумага тотчасъ теряетъ свой гладкій видъ. Листья устанавливаются въ желтую чашечку.

95—96. XXXVI. Магъ. Немного ваты порывають арестивъ арестивъ глянцовой бумаги и проводятъ по ней арестивъ изъ чернаго шнурка; это составляетъ сердечникъ цвѣтка. Дѣланы черныя тычинки съ названіемъ на кончикѣхъ арестивъ маля, окружая сердечникъ. Цвѣтокъ состоитъ изъ четырехъ

листьевъ сереновой бумаги. Кружале листья дѣлаются такъ же точно образомъ, какъ листья гвоздики, рис. 93. Камелия, расположенная по среднѣ корзинки, окружена въ множество другихъ цвѣтовъ, быдѣ не разъ объяснены въ нашемъ журналѣ. Въ цвѣтъ помещены въ настоящій маля.

97—99. Корзинка изъ бисера съ бумажными цвѣтами.

Разложенный уменьшенный видъ пласовой корзинки данъ на рис. 98; рис. 99 изображаетъ отдаленную картину корзинки. Домшко состоитъ изъ проволочнаго обруча 11 центъ, въ поперечникѣ; проволочную основу надо зашить желтоватой три нити, приравнявъ на ровномъ растеніи, сдѣлавъ ножками корзинки. На скрещенныхъ поперечныхъ палочкахъ по среднѣ поместить небольшое количество въ 1 центъ, величину. Семь глянцевъ, соединившихъ между собою, поместить, приравнявъ ихъ домытъ, образуютъ пласовую стѣну корзинки, вышнюю 70 центъ, въ обѣихъ. Каждое количество удерживается набухнутою растеніемъ изъ золотыхъ нитокъ. Растеніе состоитъ изъ двухъ рельефныхъ кружковъ; изъ чашечки растенія поперечная блондъ бусинка, на подобіе роски. Рельефную розочку окружатъ еще два тура прозрачныхъ стоговѣвъ и 1 туръ дугъ; въ каждой дугѣ по 70 центъ, на водѣ. Остальное промечетъ изрѣзаніемъ розочку, по указанію рис. 98. Растеніе приравнявается въ своимъ дугамъ, или же потому при обложивъ розочку ихъ приравнявъ въ означенныхъ мѣстахъ. Растенія обложиваются называемымъ на нитку хрустальнымъ бисеромъ.

Для обложива наружныхъ краевъ корзинки, нитокъ и ручия, между хрустальнымъ бисеромъ поместить золотой бисеръ. Немного съ золотымъ розочку, 33 центъ, дѣлать въ кончикѣхъ обрѣзанныхъ обложивать заодно. Три маленькихъ колечка поместить по среднѣ ручки на растеніи 2 центъ. Отдаленная картина состоитъ такъ же изъ золотого бисера и бусъ, что ясно показано на рис. 99.

вышло и поступило въ продажу

Иллюстрированный альбомъ Всероссійской Мануфактурной Выставки 1870 года, изящный иллюстрированный альбомъ.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ

— 76 изящно исполненныхъ рисунковъ — съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описаніе этихъ предметовъ; виды Выставки; замѣтки о лицахъ, представившихъ свои произведенія; указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ наградъ и проч. и проч.

Альбомъ Мануфактурной Выставки

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ

Воспоминаніемъ о Мануфактурной Выставкѣ 1870 года

и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для послѣдней цѣли нѣмало экземпляровъ въ л-денковомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями.

Цѣна альбомъ выставки:

Безъ переплетѣ и перес. 4 руб.; съ пересылкою 5 руб.

Въ коленкор. переплетѣ 5 руб.; съ пересылкою 6 руб.

Требованія адресовать въ Контору Редакціи «Всѣмѣрной Иллюстраціи» (Германъ Гонимъ), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Петербургѣ.

Издатель **Германъ Гонимъ.**

(250)

ДРА ЯКОБСОНА

НЕСЕССЕРЪ для МѢТКИ БѢЛЫХъ,

ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ въ СЕБѣ:

красную и черную не смывающіеся краски, шаблоны, кисти и проч.

ЦѢНА 1 РУБ. 15 КОП. СЕР.

Пересылка за 2 фута.

Продается въ Аптекѣ Гильяна, въ С.-Петербургѣ, у Анничкова моста, д. Мѣдниковой. (249) 3—1.

Магазинъ

М-мъ **ДЕКУФЛЕ,**

по Малой Морской, д. № 8.

Имѣть большой выборъ корсетовъ, съ ручательствомъ за прочность. «За удобство ихъ въ носкѣ, при правильной выемкѣ талии и хорошей работѣ», магазинъ получилъ медалъ на Всероссійской Мануфактурной Выставкѣ 1870 года: 1) За **корсетъ**, бѣлье употребительнаго для блондъ и визитовъ, изъ атласа и мерсанта въ 18, 19 и 20 р.; изъ бѣлаго и сѣраго кути-сантвр-режиса, парусицы съ запонками и дѣтские съ ластикомъ, отъ 5 до 10 р.; эластическіе корсетъ для дамъ, находящихся въ особомъ поажаніи, 9 и 10 р. 2) Новато фасона **юбки** съ шитыми въ пѣтсовую рѣдотъ толстыми шнурками, между воланами, каленкорными корсетъ 7 и 8 р. и другого хорошаго покоръ—съ волан. корсетъ 5 р., длинна 6 р.—изъ толстоу нитенъ съ воланами, сяди, по всю длину, замѣняющихъ кринолиномъ, корсетъ 7 р., длин. 8 и 9 р. 3) Новато фасона **кринолины**, нѣмные вверхъ, сяди, пѣтсово поукружамъ рѣдотъ стали, съ больш. волан. на пугонкахъ, удобные для чистки, которые гранціозно держатъ трыпъ платья, каленкорные 6 и 7 р., обложивающаго хорошаго фасона 5 р., изъ шерстяной же матеріи 5 и 9 р. 4) **Турниоры**: каленкорные 2 и 3 р., а воасные отъ 3 до 7 руб.

Гг. инородимыхъ при выпискѣ корсета отъ 7 р. и д. магазинъ высылаетъ на свой счетъ, крувъ: кринолина, на который прилагается особо 2 р., на два—3 р., на юбку 1 р., на 2 и 3 юб.—2 р., на турниоръ 2 р., на 2 и 3 турп.—3 р. Для корсета высылается мѣрка съ лифа платья или съ половиною корсета, съ переводомъ на вершинѣ въ писмѣ: окружность талии, длина бюста (изъ подмышки до пояса) и ширина груди, или лифа или половиною корсета, а для кринолина и корсетъ юбки: кругъ талии и сяди, съ корсетъ. платья, отъ талии и на вершокъ короче длины платья.

(247) 2—2

РѢЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ продается въ Конторѣ Редакціи журнала «Модный Свѣтъ», у издателя **Германъ Гонимъ**, по Большой Садовой ул., д. Ильина, № 16.

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 1 р.

(251)

Объ изданіи въ 1871 году ЖУРНАЛА СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА, перешедшаго съ 1 января 1870 года подъ редакцію Софіи Сергѣевны Кашпиревой.

(Годъ восьмой).

Журналъ этотъ удостоенъ Высokaго Покровительства Государни Императрицы Маріи Александровны, рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій и удѣльныхъ училищъ, состоящихъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, Ученнаго Комитета для членівъ воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, и Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ.

Годовое изданіе журнала «Семейные Вечера» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Отголоски, поѣскія и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. 2) Биографіи замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ быта и преданій разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, — отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборъ замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распределяться такимъ образомъ, чтобы половина

изданія, 12 книгъ, украшенныхъ картинками, составила вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей, или для младшаго возраста, а другая половина изданія—для юношества, или для старшаго возраста.

Въ изнанкѣ «СЕМЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ» какъ для дѣтей, такъ и для юношества или

Семейнаго Чтенія, предлагаются изданіе неопубликованныхъ рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ; крокъ того, въ отдѣлѣ для дѣтей будутъ отъ времени отъ времени помѣщаться раскрашенные картинки.

Въ Журналъ будутъ принимать постоянное участіе: М. Ѳ. Ростовская, А. Пчелыникова, С. А. Чистякова, С. М. Макарова, Т. Толычева, А. Н. Майковъ, В. П. Крашенинниковъ, М. В. Чистяковъ, Е. А. Вѣковъ, В. И. Давъ, П. М. Пейдлеръ, И. П. Хрущовъ, Н. Д. Ахшарумовъ и др.

Въ издѣствованіи журнала будутъ участвовать: К. А. Труттовскій, К. В. Маковский, А. О. Адамовъ, А. Н. Шуртыгинъ, академики: Баронъ Клодтъ, Шарлеманъ и др. Гранпріатовъ на деревъ будетъ М. В. Стариковъ.

ПОДПИСКА ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для младшаго возраста (12 кн.)	5 »	5 » 50 к.
» » старшаго » (12 кн.)	5 »	5 » 50 »

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для сельскихъ школъ, подписавшихся не менѣе какъ на 50 экз. полныхъ, уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ вѣдомыхъ учрежденіяхъ, въ вѣдомствѣ гг. Казначействъ, а для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ ихъ Начальства.

Разсрочка допускается по третью слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣловъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
За первую треть впередъ	3 р.	3 р.
» вторую »	3 »	3 »
» третью »	1 »	1 » 50 к.

На полный журналъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
За первую треть впередъ	4 р.	4 р.
» вторую »	4 »	4 »
» третью »	2 »	3 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Для иногороднихъ: исключительно въ редакцію журнала «Семейные Вечера», Саперный переулокъ, д. Мелинкова.

Для жителей С.-Петербурга: въ редакцію журнала «Семейные Вечера» (Саперный переулокъ, д. Мелинкова), въ магазинѣхъ: А. Ѳ. Базукова, Я. А. Иванова и у всѣхъ книгопродавцевъ. Въ Москвѣ: въ магазинѣ Н. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣева).

Желаніе подписаться съ разсрочкой обращается въ редакцію.

Въ почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.

Редакторъ-издательница С. Кашпирева.

(246—2—2)

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ, БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляетъ исторію—географію—путешествія—изящнаго искусства—естественную исторію—технологію—промышленность—морское и военное искусство—политическія событія—войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

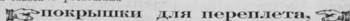
ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ представляетъ собою

ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настоящихъ украшеній каждой гостинной. Иллюстрація необходима всѣмъ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ я заказалъ роскошныя

изъ англійскаго коллоиднаго, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брюна.

Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к.; съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывки для переплетовъ, издатель „Всемирной Иллюстраціи“ проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

Цѣна первыхъ 4 томовъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“:

1869 г., т. е. томы I и II въмѣстѣ, 12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплетъ—16 р., съ пересылкою 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV въмѣстѣ—12 р.; съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплетъ—16 р., съ пересылкою 19 р.

1871 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ „Всемирной Иллюстраціи“ за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, въмѣстѣ уже также роскошныя покрывки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная Контора „Всемирной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., домъ Ильина, № 16.

Издатель „Всемирной Иллюстраціи“ Германъ Гоппе.

(248).

Главная Контора Редакціи (ГЕРМАНА ГОППЕ) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ д. Ильина, № 16.